

УДК 94(430)''14|15''(045)

В.А. Чиркин**КРУПНАЯ ИЗДОЛЬНАЯ АРЕНДА ПО ДОКУМЕНТАМ ТЮРИНГИИ И САКСОНИИ XV–XVI ВЕКОВ: ХАРАКТЕР И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

В статье рассматриваются вопросы состояния, структуры и распространения крупной издольной аренды по документам среднегерманских земель Тюрингии и Саксонии, преимущественно по актовым записям монастырских владений в переходный период от средневековья к новому времени. В современной историографии он определяется как раннее новое время. Автор исследует проявления раннего капитализма в организации крупного сельскохозяйственного производства в форме издольной аренды в рамках процессов экономического подъема и реформ территориального государственного управления в германских землях последней трети XV – первой половины XVI в. и их трансформацию в последующие десятилетия.

Ключевые слова: Тюрингия, Саксония, издольная аренда, крестьянское хозяйство, опись монастырского хозяйства, ранний капитализм, региональный абсолютизм, феодальная собственность.

Эпоха раннего нового времени в истории Германии, как и в истории всей Западной Европы, проявляла себя в самых разнообразных формах. При этом выявлялись различия в глубине трансформации традиционных феодальных структур, в уровне их стадийной зрелости в отдельных странах [9; 10; 21] и во внутренних их областях [9; 21; 22]. С точки зрения развития экономики и социальных структур, новая эпоха требовала новых решений. Они были найдены и получили дальнейшее, хотя и далеко не одинаковое, развитие. Нас будут интересовать *состояние* и *эволюция* крупной издольной аренды в землях Тюрингии и Саксонии, как одно из проявлений переходной эпохи в той части пограничной зоны между Востоком и Западом, которая располагалась между Франконскими землями и Эльбой.

В последние десятилетия складывается довольно странная ситуация в историографии заявленной темы. Если в российской исторической науке начинает оживать интерес к проблеме крупной издольной аренды в германских землях, по вполне объективным причинам вызываемым реалиями современной России [13; 14], то в германской историографии наблюдается некое затишье. Последние исследования по проблеме, выполненные З. Квиджем [24] и Э. Шварце [22], в основном носят описательный характер и имеют привязку к выявлению причин Крестьянской войны. Аренда, как явление раннего капитализма, получила освещение и на страницах 12-ти томной «Истории Германии», изданной Х. Бартелем, Е. Энгель, Б. Тепфером и рядом их коллег [21. S. 306-312]. Отрывочные сведения можно обнаружить в огромном количестве изданий, посвященных реформации и Крестьянской войне в Германии и публиковавшихся к 450-летию этих событий в основном в 1975 г. Одно из них – «История Саксонии» Р. Чока [21. S. 208, 213].

В предшествующих работах нам уже приходилось писать о развитии крупной издольной аренды в среднегерманских землях, преимущественно по материалам Тюрингии и Саксонии [13. С. 38-44; 17. С. 124-128, 180-181]. Широкое распространение ее в этих территориальных границах объяснялось тем, что сам регион уже с середины XV в. характеризовался довольно «устойчиво динамичным» политическим, экономическим, социальным и культурным развитием¹. Эта тенденция продолжалась и в последующем, вплоть до конца XVI в. Правда, следует признать, что условия, в которых шло это развитие после 1517–1527 гг., уже изменились. Реформационный процесс как идеологическое воздействие на все слои населения и перенос его в плоскость государственной политики территориальных государей со всеми возможными последствиями, о чем много пишут в современной российской историографии [11;

¹ В 2015 г. в издательстве «ИНФРА-М» автором было выпущено учебное пособие «История среднегерманских земель в документах XIV–XVI веков: от средневековья к раннему новому времени» [14], в которое вошли заново отредактированные переводы документов из изданных в 1992 г. «Очерков по аграрной истории Средней Германии» [13]. В пособии читатель найдет значительно большее количество переводов самых разнообразных, не публиковавшихся ранее и мало известных специалистам документов. Пособие снабжено справочными материалами и словарем, посвященным политическим, экономическим и юридическим понятиям и категориям эпохи. Тексты документов дополнены картами, схемами, рисунками и репродукциями известных художников Германии. Непосредственно о крупной издольной аренде см.: [14. С. 12-13, 16-18, 20, 46-52, 152-160 и др.].

12; 13. С. 10-15, 19, 24-30, 32], ускорявшееся после событий Крестьянской войны движение в формировании *условий* для становления в последующее столетие регионального *абсолютизма*, дальнейшая *консолидация* и перегруппировка традиционных *сословий*² и неспешное, но неуклонное формирование местного и регионального *рынков*³, повсеместное применение *расширяющейся* по номенклатуре наемной рабочей силы – вот неполный перечень этих меняющихся условий.

Отметим также, что *новыми* отношениями оказались охвачены и промышленность, и торгово-финансовая деятельность, и сельское хозяйство. Насколько они были *распространены* и *устойчивы*? На данный момент мы можем лишь частично ответить на этот вопрос, поскольку требуются комплексные исследования не только аграрных, но и иных структур, о чем уже было сказано.

Что же представляла собой *крупная издольная аренда* в землях Тюрингии и Саксонии в исследуемую нами эпоху?

К сожалению, сегодня, как и много лет назад, самая большая подборка договоров по крупной издольной аренде по Германии вообще и по Тюрингии в частности, содержится лишь в сборнике документов В. Кютера «Книга актов (уркунден) монастыря Фрауэнзее 1202–1540 гг.» из серии «Средненемецкие исследования» (т. 20) [6. S. 231-232, 241, 255-257, 265-268, 271-272, 275-276, 293-294, 295, 300, 302, 305, 306, 310, 349-350, 356-358].

В качестве наиболее яркого примера можно взять договор об аренде *на срок жизни* монастырского двора в Ауэнхайме [6. S. 271-272]. В 1494 г. пробст монастыря Фрауэнзее Герман передал в указанную аренду некоему Иоганну Иффорту и его жене Кунигунде пашни, луга, дом и двор за ежегодный чинш в 65 мальтеров зерном (1/2 – рожью, 1/2 □ овсом), что соответствует примерно 6,7 т. Если учесть, что в этом районе Тюрингии основная аренда – это *аренда исполу*, то урожай составил не менее 130 мальтеров или 13,4 т. Много это или мало? Держатели одного из мансфельдских монастырей Зиттихенбах, в 1541 г. давали в качестве зернового чинша чуть больше 33 мальтеров зерна от 261 плательщика, что составляет в современных мерах около 3,4 т [5. S. 510-532]. А один монастырский арендатор Иоганн Иффорт в 1494 г. давал зерна в виде арендной платы почти вдвое больше 261 держателя монастыря Зиттихенбах в 1541 г. И это не предел. Так, в 1507 г. арендатор этого же монастыря Фрауэнзее Матиас Тайхмюллер передал в счет арендной платы со двора Рона 40 мальтеров зерна, 25 – овса и 11 – ячменя [6. S. 310]. Общая сумма арендной платы только в зерне составила 76 мальтеров, или почти 7,8 т. Обычно же арендная плата здесь колебалась в пределах 10–20 мальтеров только в зерновом чинше.

Возвращаясь к договору аренды Иффорта и его супруги от 1494 г., мы видим, что они давали сверх зернового чинша 4 кур, 2 гусей, 2 кур на масленицу, один «красивый хлеб» на Рождество и 4 богемских гроша.

В документе также специально оговорено, как и при аренде от монастыря Фрауэнзее вообще, что арендатор обязан содержать дом, хозяйственные постройки, амбары и стойла «в хорошем состоянии». В случае смерти арендатора соблюдение этого пункта договора его женой и детьми являлось основным условием продолжения аренды до истечения полного срока – 40 лет. В противном случае монастырь забирал арендованный двор себе вместе со всем хозяйством и постройками, исключая то, что принадлежало арендатору, за вычетом положенных за текущий год платежей по повинностям, оброкам, чиншам и задолженностям, если таковые обнаруживались за прошедшие годы. В одном из арендных договоров монастыря Фрауэнзее за 1510 г. уже упомянутый нами Матиас Тайхмюллер после перерасчета в зерне и деньгах оказался должен монастырю 3 мальтера зерна [6. S. 310]. При этом монастырь получил со своего арендатора сверх долга более 101 мальтера зерна и 3 мальтеров гороха. Заметим, что монастырь лишь подвел итог по арендному договору, подписанному за 20 лет до того с отцом Матиаса – Альбрехтом Тайхмюллером и его женой [6. S. 265-268]. Кстати, еще дед Матиаса сидел на дворе Рона, судя по записи за 1480 г. [6. S. 241]. Заметим также, что в случае зерновой аренды или смешанной, то есть частью зерновой, частью скотом, сроки могли быть самыми разными, а не только на срок жизни, как в случае с Иффортом или Николаем Венигом. Есть также договоры о передаче в *лен* и при этом на

² В уже упомянутом автором учебном пособии представлены документы по истории известных в Саксонии дворянских родов страны Веттинов и свидетельства жизнедеятельности более знатных лиц, в том числе на сопредельных территориях [14. С.137-152]; на этом фоне по-другому смотрятся документы по договорам крупной издольной аренды [14. С.152-160, 100-107, 116-119, 125].

³ Крупный советский германист В. Е. Майер прямо связывал распространение издольной аренды «предпринимательского» типа с развитием потребностей городов и городского производства [8].

срок жизни, заключенные монастырем Фрауэнзее с Лоренцем Штранцем и его женой Катариной, с Иоганном Клаусом и его женой Ирмгард, а также договоры на 4 года, на 9, 18, и 20 лет.

Помимо прочего, Иффорт обязан был исполнять службы герцогу Саксонскому. Речь, скорее всего, идет о военно-гужевой повинности. Тут же отмечено требование исполнять *«все в пользу монастыря»*. Очевидно, что эта фраза важна в свете понимания сущности западноевропейского феодализма, когда держатель, а в данном случае и арендатор, исполняет повинности и иные обременения в силу того, что все это связано с правовым статусом держания и лежит на нем издавна по традиции и обычаю. Кто бы ни приходил на это держание и ни допускался к его использованию, он обязан был, в силу этого обстоятельства, выполнять обязательства, связанные с этим держанием. Этим обстоятельством объясняется и дальнейший пассаж в тексте договора: арендатор должен содержать не одного или двух работников в хозяйстве, а *«сколько указано»*, чтобы *«не наносить ущерба ленному и судебным господам»*, и, как следствие, чиншевым обязательствам перед ними. Оговорка же по поводу определенного штата наемных работников носит, скорее всего, двойной смысл. С одной стороны, очевидно, что арендодатель стремится поддерживать на достаточном уровне качественное исполнение договора, то есть всех видов необходимых работ, что было бы трудно делать, не прибегая к найму минимально необходимого количества опытных наемных работников, в том числе и постоянных. Другой стороной этого пункта арендного договора являлось опасение со стороны собственника, что арендополучатель может прибегнуть к субаренде. Опасение, имевшее под собой в то время серьезные основания, поскольку слой мало- и безземельных крестьян проявлял тенденцию к увеличению [23. S. 154-156; 16. С. 166-189, 172-173].

Помимо вопроса о *постоянных* наемных работниках, монастырские власти, в лице пробста, уделяли внимание и вопросу использования в арендованном хозяйстве *сезонной* и *вспомогательной* рабочей силы. Безусловно, основная и наиболее многочисленная часть постоянных наемных работников проживала при господских усадьбах-форверках и при собственно дворцовых хозяйствах графов, князей⁴ и епископов [14. С. 92-127]. Сдача в аренду крупных господских дворов, форверков, или отдельных частей таких специализированных хозяйственных комплексов приводила к тому, что живущие при них кнехты – постоянные работники и слуги – продолжали использоваться арендаторами-хофманами в их прежнем качестве. Но, с учетом все той же узкой специализации арендатора, почти всегда требовалось привлечение на весь срок заключенного им договора дополнительного количества таких работников, тогда в договоре оговаривалась отдельно плата для них. Это можно видеть в договоре Виганда Бека от 22 февраля 1460 г. [6. S. 231-234], по которому он нанимал исполу работника для содержания осла и кабана-производителя, труд которого оценивался в 2 гульдена в год. И хотя в договоре прямо не упомянуты другие постоянные работники, кроме плотника, проплачиваемого монастырем, подсчеты *видов* только основных направлений работ, порученных в попечение хофману, достигают 20. Поскольку при такой массе дифференцированных *обязательств*, одними барщинно-обязанными крестьянами не обойтись, хофманы по поручению арендодателя, а частью по личной инициативе, должны были самостоятельно набирать дополнительный персонал как постоянный, так и сезонный. Так, в договоре Георга Венига от 7 марта 1525 г., ему дается прямое разрешение-указание на *вольный найм* косцов и молотильщиков, что, безусловно, говорит о том, что по неизвестным нам причинам, арендодатель не хотел бы использовать здесь труд обязанных барщиной крестьян. Здесь же прописана необходимость содержать в обязательном порядке работницу по уходу за свиньями, двух кнехтов для обустройства в полях и пастбищах и двух конюхов [6. S. 356-358]. Полным аналогом указанных здесь обстоятельств является договор из другого конца нашего региона – графства Мансфельдского, заключенного Николаем Краутворстом в феврале 1521 г. [5. S. 241-242]. Та же картина наблюдалась и в других местах, например, в Анхальтских землях, где даны сведения по крупной издольной аренде в овцеводстве за 1547–1549 гг. и зерновом производстве за 1563–1576 гг. Безусловно, это более крупные хозяйственные комплексы, нежели рассмотренные нами за период 1460–1524 гг. [3. NR. Bd. 17. T. I. S. 29-30; 4. NR. Bd. 19. T. II. S. 7-10]. Но в качестве сезонной и вспомогательной рабочей силы регулярно, судя по всем известным и опубликованным на сегодня договорам по крупной издольной аренде, неизбежно упоминаются обязанные барщиной монастырские крестьяне и их собратья из княжеских, графских и дворянских поместий. В договорах прямо указано для чего это делалось: чтобы традиционные держатели *«не забывали беде»*, налога с земли, принадлежавшей фео-

⁴ Достаточно взглянуть на содержание государственного регистра (описи владений) княжеств Анхальт-Дессау за 1547–1549 гг. или Анхальт-Бернбург за 1563–1576 гг., переводы которых опубликованы автором [11. С. 95-127].

дальному собственнику-сеньору. В частности, об этом прямо сказано в договоре с Иоганном Иффортом от 24 июля 1494 г. [6. S. 271]. Использование арендаторами с разрешения собственников труда обязанных барщиной крестьян связывалось с *функцией* контроля со стороны арендаторов за исполнением этих же самых барщин. Так, в том же договоре с Иффортом, указано, что после того, как необходимое количество строевого леса будет им отвезено в монастырь с помощью монастырских крестьян, обязанных валить лес и исполнять гужевую повинность, он мог с их помощью на восьмой день отвезти часть леса на свой арендованный двор. Мало того, что арендатору было разрешено при необходимости на *традиционно законных* основаниях пользоваться трудом барщинников, он должен был отслеживать исполнение ими барщины от лица монастыря. А это уже *функция* управляющего господским хозяйством.

Безусловно, при всей распространенности крупных арендаторских хозяйств, ориентированных на производство зерновых, в исследуемое время в Тюрингии и Саксонии, как и во владениях монастыря Фрауэнзее, получила широкое развитие крупная овцеводческая аренда [1. S. 282; 2. S. 111-116, 118-120, 122-124, 127, 141, 145, 183; 3. Bd.17. Т. I. S. 29-30; 4. Bd. 19. Т. II. S. 5, 8, 9]. Но, судя по всему, чаще встречалось *смешанное хозяйство*, когда арендатор, помимо зернового хозяйства, занимался скотоводством и птицеводством. В частности, Виганд Бек, по февральскому договору 1460 г., разводил «свиной, гусей и коз», давал солому и позволял монастырскому овчару вести пастьбу у себя по жнивью. По октябрьскому договору 1491 г., Альбрехт Тойфель выращивал «скот и свиней», в том числе для удобрения производимым ими навозом своих же полей, с которых зерно и солому он использовал и в своем, и в монастырском хозяйствах пробста и аббата в Херсфельде, которые, как и сам арендатор-хофман, содержали «6 молочных коров, 12 лошадей с жеребятками и 4 жеребцов». Кроме того, Тойфель половину соломы передавал частью монастырскому овчару. По январскому договору 1495 г., Николай Вениг, помимо пашни и сада, содержал «лошадей и скот», но без подробных указаний на сей счет. Тем не менее, в конце текста есть замечание по части содержания «отары овец». Характерно и то, что сын Николая, Георг Вениг, по договору от марта 1524 г., помимо большого зернового хозяйства, обязался содержать своих «лошадей, коров и свиней»; при этом должен был поставлять разнообразные корма, производимые на своем арендованном дворе, овчарам в монастырские овчарни, за что те производили унавоживание арендованных Георгом пашен. В договоре с Иоганном Кодем от февраля 1507 г. прямо говорится об «овцах», которых арендатор может содержать сам и т. д. [6. S. 305].

Картина развития крупной издольной аренды в землях Тюрингии и Саксонии на протяжении XV–XVI вв., очевидно, будет не полной, если мы не обратим внимание на такую любопытную черту в ее развитии, как *совмещение* зернового и овцеводческого хозяйств *на одном крупном господском дворе*. И, действительно, в арендных договорах и описях такое явление фиксируется. Присутствие сразу двух арендаторов на одном господском дворе предполагает, прежде всего, *крупные* размеры каждого из них. А с таковыми мы уже сталкивались при рассмотрении документов монастыря Фрауэнзее. Немалое значение при этом имело то обстоятельство, что монастырь обладал достаточным количеством рабочих рук крестьян, на держаниях которых лежали определенные издавна разного рода отработки – барщины, либо ручные, либо конные, в том числе и гужевые. Более того, мы уже видели, что их труд в полях, лугах и лесах, как правило, четко оговаривался в договоре аренды *по предмету*, на который распространялась повинность, а также *по времени* и в какой-то степени – *по ее количеству*. Но чем это могло оборачиваться для самих крестьян? Так, крестьяне общины Лауэнхайм (современный Лихтенхайн на юго-востоке Тюрингии) заявили, что до появления в землях их господина крупных арендаторских хозяйств, на барщину выходили крестьяне целого судебного округа, но с их появлением к 1525 г., барщину пришлось выполнять только им одним [1. S. 282; 15. С. 163, 166, 168].

Феодалному же собственнику соединение двух больших хозяйств арендаторов на одном господском дворе сулило большие выгоды. Актовые материалы лишь подтверждают это мнение. Например, в известном нам договоре Виганда Бека с монастырем Фрауэнзее от 1460 г. говорилось об обязанности овчара-издольщика пасти своих овец по жнивью у арендатора, который вел зерновое хозяйство, и забирать у него же солому из половины, которую арендатор передавал монастырю. Такого же рода сведения мы можем почерпнуть из договора Альбрехта Тойфеля об аренде с тем же монастырем от 1491 г. [6. S. 267-268]. В любом случае следует признать, что хозяйства, находясь на *одном* господском дворе, несомненно, *дополняли* друг друга: арендовавший пашню по договору получал удобрения от овчара, который, в свою очередь, обеспечивался кормами на осень и зиму. И тот, и

другой, занимая господский двор, тем самым *брали на себя* по отношению к местным крестьянам функции бывшего управляющего, что и отразили, в известной степени, договора арендаторов с монастырем. Но они не только контролировали и организовывали труд обязанных барщиной крестьян, но и *контролировали* друг друга в своей производственной деятельности по части выполнения взятых на себя по договору обязательств.

У нас есть возможность углубить представления о крупной издольной аренде в указанный период и даже выяснить *сословное происхождение* самих арендаторов. В 1511 г. аббатиса монастыря Ной-Хелфта, расположенного в графстве Мансфельд, заключила договор об аренде монастырского форверка в Хелбре с Николаем Краутворстом *на условиях наследственного владения* [5. S. 241-242]. Хофман получал в свое распоряжение форверк со всеми пашнями, лугами, лесной маркой в Кухенберге, со всеми овечьими пастбищами и прогонами в счет ежегодного чинша в 40 рейнских гульденов (!), выплачиваемого в два срока, 2 шока шеффелей зерна или 8 мальтеров, из которых по 1/2 шока шеффелей пшеницы, ржи, ячменя и овса, с обязательством служить дважды в году с подводой и четырьмя лошадьми, а главное – содержать форверк в порядке, как тогда писали, «без ущерба ленным господам». Судя по тексту договора, в форверке требовалось проводить мелиоративные работы и в качестве компенсации монастырь обязывался обеспечивать своего хофмана обстановкой и имеющимися запасами. Кроме того, предоставлял три телеги, тележную смазку, 2 плуга и 2 бороны и всю упряжь, а также пивной ковш и 3 пивные бочки. Сверх того, монастырь поставлял хофману сало, мясо, сыр, колбасу, масло и т. д. в достаточном количестве. *Целью* такого обеспечения было создание условий для эффективной работы хофмана по организации и развитию хозяйства форверка со всеми угодьями и заведениями. Арендная плата и некоторые поставки собственника явно говорят о больших объемах производства при монастырском форверке. Цифры говорят об аренде исполу. И если монастырь давал хофману 40 шеффелей зерна, то мы можем смело предполагать, что Краутворст получил овчарню на 800 голов. Не стоит забывать и того, что монастырь передал ему почти 80 га пашни, если исходить из чиншей в 8 мальтеров зерном, и большую лесную марку, не считая специальных пастбищ для овец.

Еще более важная и весьма характерная информация для семейств и даже *династий* крупных арендаторов-издольщиков Тюрингии и Саксонии содержится в чиншевой описи все того же монастыря Хелфта за 1521–1525 гг. [5. S. 253]. Из нее мы узнаем, что семья Краутворстов *происходила* из города Айслебена и ранее проживала в приходе святого Андрея. Характерно, что наряду с 18 акрами пашни, они владели тремя луговыми угодьями. Возможно, они уже в то время занимались скотоводством и даже овцеводством. Но, несмотря на то, что и в описи 1525 г. Краутворсты фигурируют в качестве арендаторов, выплачивающих те же чинши, что и по договору 1511 г., их бывшее владение, скорее всего, *на бюргерском праве*, сохранялось за ними, только теперь всеми этими хозяйствами, арендованными и своими, управлял сын Краутворста Старшего – Ганс. На момент составления описи при форверке Хелбра находились 18 держателей, из которых 16 имели половинные наделы, а двое, судя по всему, занимались скотоводством. Среди держателей двое проживали в усадьбах, построенных арендатором и принадлежавших ранее Николаю Краутворсту.

Таким образом, и по масштабам производства, и по производительности, и по доходам, продержаться столь долгое время арендатор, при неизменных и столь высоких арендных платежах, мог только в случае, если имел и первое, и второе, и третье, только «в плюс» и никак иначе. Учитывая все это, можно сделать только один и весьма важный вывод: семья Краутворстов вполне успешно *конкурировала* с юнкерами, ведущими хозяйственную деятельность в графстве Мансфельдском [5. S. 523, 529].

Есть и еще более яркий эпизод, характеризующий крупную издольную аренду в Тюрингии и Саксонии, связанный с социальным *статусом* арендаторов-хофманов. Для этого мы хотя бы кратко остановимся на удивительной судьбе семьи крупных и удачливых арендаторов-издольщиков Шецелей [7. S. 108], обосновавшихся в Гебезее еще в 1425 г. По договору с ландграфом Фридрихом, Генрих Шецель и его сын арендовали сроком на 3 года деревню и замок Гебезее за 30 мальтеров ржи и 30 мальтеров ячменя годового чинша, то есть более 6 т, для тех времен размер арендного платежа весьма впечатляющий. В чиншевой описи монастыря Фраунзее от 1499 г. упомянут по Гебезее Альбрехт Шецель, уже как юнкер, с чиншем в 6 шиллингов и фунтом воска с дома и двора и одной гуфы за его двором [6. S. 293]. Из ленных книг округа Вайсензее за 1545 г., известно, что Шецели арендовали в Гебезее и владели 6 гуфами земли, 16 акрами вайды и 18 акрами лугов. В последующем состав и размер их собственных и арендованных владений неоднократно менялся. В частности, в их руках оказались и прудовое

хозяйство, и овчарня с правом прогона, и хмельники, и виноградники. Но со временем и арендованные земли стали принадлежать им. Как бы то ни было, в 1716 г. Шецели получили дворянство, а в 1738 г. продали свои земли за 22 тыс. 710 рейхсталеров золотом [7. S. 114-115]. Дальнейшая судьба этой семьи не просматривается.

Но сам по себе этот пример впечатляет и показывает один из путей расширения дворянского сословия в эпоху складывания условий для перехода к раннему абсолютизму в отдельных германских землях. Явление если и не массовое, то, во всяком случае, знаковое. Тем более, в те времена в землях Тюрингии и Саксонии люди сведущие, энергичные, имеющие свободные средства, делали еще более впечатляющую карьеру как представители региональной высшей власти и местной княжеской власти: канцлеры, главы финансовых ведомств, иные представители административных структур, выходцы из бюргерского сословия⁵. Многие из них в последующем были возведены территориальными государями за преданность и службу в дворянское достоинство [14. С. 112-113, 115-116].

Продолжая тему аренды *предпринимательского* типа, обратим внимание на то, что *во всех* арендных договорах крупных издольщиков с монастырями довольно часто встречается оговорка, которую мы можем наблюдать и в документах монастыря Фрауэнзее. В них, как и, например, в договорах от 1491 и 1494 гг., указывается на *необходимость* избегать любой *зависимости* своих арендаторов от дворян, юнкеров и вообще третьих лиц. В случае необходимости, если это все же случится, хофман должен был *искать защиты* у пробста из Зее, а если он не сможет, вместе с ним у аббата из Херсфельда и капитула «и ни у кого другого». Встречаются также и уточняющие формулировки. Так, в договоре 1488 г. отмечалось, что арендатор с женой *не должны признавать* верховным господином никого из дворян и юнкеров, только аббата из Херсфельда. В договоре от 1494 г. подчеркнута необходимость при любых разбирательствах, видимо, и судебных, придерживаться только пробста, а где не может пробст, вместе с ним держаться господина (аббата) из Херсфельда. То же условие обнаруживается и в договоре от 1524 г., где прямо отмечено, что арендаторы «будут иметь нашу защиту и поддержку и должны держаться пробста и аббата из Херсфельда в сложных делах» [6. S. 256, 268, 272, 350].

Эти замечания или требования со стороны феодального собственника более чем серьезны, особенно, если дело доходило до разбирательства именно по установлению самого *права собственности* или его нарушения. Не будем забывать, что держатель, он же крупный арендатор, не мог сам представлять себя в суде по такого рода делам именно потому, что он пользовался вещью или вещами, движимыми или недвижимыми, по договору на определенный срок и на определенных условиях. То и другое определял собственник. Иными словами, арендатор пользовался чужой вещью *со строго ограниченным по договору* правом распоряжения. Следовательно, по нормам действовавшего на тот период законодательства (а в Тюрингии и Саксонии уже с 1483 г. вполне официально, наряду с Саксонским Зерцалом, использовалось римское право) крупный держатель на праве издольной, либо наследственной аренды по определению не мог самостоятельно представлять свои интересы в суде, это мог делать только собственник. В случае с монастырскими имуществами ситуация определялась тем, что церковь – это крупнейший *бенефициарий*, и, в отличие от светской иерархии, построенной по правам владения сверху вниз, здесь права владения связаны исключительно с занимаемой должностью в церковной иерархии. Но церковные иерархи не имеют права наследования церковных имуществ, а это означает, что с точки зрения *права* ее собственность защищена наилучшим по тем временам образом. И церковь очень хорошо это понимала. Отсюда эта оговорка, на которую историки нередко обращают мало внимания.

Следует заметить, что после событий Крестьянской войны в землях Тюрингии и Саксонии на фоне больших экономических потерь, понесенных церковью и дворянством, как ни странно, продолжали развиваться *позитивные тенденции* в хозяйственной жизни⁶. На наш взгляд, это связано с тем, что вос-

⁵ Н. Ф. Колесницкий и А. Л. Ястребицкая, признанные мэтры отечественной медиевистики по проблемам истории государственности и социально-экономической истории Германии, прямо указывали на то, что уже с середины XVI в. в сфере дворцового и территориально-административного управления «бюргерско-патрицианский элемент» *возобладал* над «аристократическим» [9. С. 205].

⁶ А. Л. Ястребицкая, изучая социально-экономическое развитие германских земель до и после Крестьянской войны, вполне обосновано отметила в нем два параллельных явления: 1) упадок в промышленности (особенно в горном деле, которое во многом предопределило «всплеск» раннего капитализма в Германии), постепенно нараставший со второй половины XVI в.; 2) наличие устойчивой и благоприятной для развития сельскохозяйственной продукции рыночной конъюнктуры с конца XV и до начала XVII в. [9. С. 77-81].

стание обнажило истинное положение крестьянства и причины народного гнева, вызванного массой нарушений и со стороны господ, и со стороны крупных арендаторов-издольщиков⁷. Территориальные государи, те же герцоги и курфюрсты Саксонские, графы и крупное имперское дворянство – все они и накануне, а то и того раньше, получали информацию от глав своих территориальных местных управлений – амтманов, об общем ухудшении дел на подведомственных им территориях, об участившихся судебных разбирательствах по разного рода хозяйственным поводам, когда одной из сторон выступали не только отдельные крестьяне, но и целые общины, в том числе, городские, по поводу различных нарушений, от административных до гражданско-правовых. Вряд ли были тайной и проявления дикого произвола в среде самих представителей административного аппарата князей и графов, епископов на местах. Автору уже приходилось писать по этому поводу [13. С. 9-10; 14. С. 20-24, 161, 164-165, 179]. Приведем один пример. Весной 1525 г. общины сразу нескольких деревень тюрингского графства Геннеберг подали список жалоб по поводу деятельности их амтмана, где было сказано буквально следующее: «много раз нас и наших детей, без допроса бросая в башню, подвергал пыткам...», вымогая деньги и заставляя выполнять свои незаконные требования [1. С. 432]. Но следует признать, что Крестьянская война вскрыла как раз *действительные масштабы* нарастающего произвола. Власти получили адекватное представление об этом лишь получив огромное количество так называемых статейных писем и жалоб крестьянских и городских общин [1. С. 431-432]. Отсюда и шок, и растерянность, и неспособность сразу и точно отреагировать на происходящее, вступление в переговоры с восставшими, а затем и всяческое их затягивание [14. С. 186-191, 193-198, 211-214]. Только этот маневр и спас ситуацию. И только территориальные государи Саксонии и Тюрингии ничего не потеряли, но выиграли от этого чрезвычайно опасного положения. Сурово расправившись с восставшими крестьянами⁸, обложив их штрафами и частично вернув владельцам разграбленное, территориальные государи, тем не менее, сделали соответствующие выводы. На фоне усиления региональной государственной власти и ослабления господствующих сословий, прежде всего церкви и монастырей, им удалось принять меры к наведению порядка и восстановления платежеспособности населения. Эти меры были необходимым условием организации устойчивого поступления налогов с крестьян и горожан. Немалую помощь здесь оказала и политика в отношении церкви, включая секуляризацию. К сожалению, в современной российской историографии эти сюжеты сегодня редко становятся предметом исследования. Отсюда «расхожие» представления о наступлении *реакции* по всему фронту и хозяйственной *стагнации* после поражения Крестьянской войны. Думается, что в регионах, где наиболее *интенсивно* происходили выступления крестьянского и городского населения, особенно в тех из них, где накануне наблюдался мощный экономический и культурный подъем, вряд ли была возможна полномасштабная т. н. «феодалная реакция» и остановка всякого поступательного развития в силу как раз *втянутости* в эти *позитивные* процессы практически *всех* сословий на протяжении нескольких десятков лет. Поэтому, на наш взгляд, Тюрингия и Саксония вряд ли могут быть отнесены к депрессивным регионам.

Приведенные сведения из договоров монастырей, светских князей и дворян с крупными арендаторами-издольщиками ясно указывают на *характерные черты* такого рода предприятий.

Прежде всего, мы видим, что даже если арендовались пашни, при желании арендатор мог с разрешения монастыря держать собственных коров, лошадей, свиней, птицу и даже овец, в т. н. «смешанном стаде», иными словами – в общем с монастырем стаде. Но он мог содержать их и вполне самостоятельно, уплачивая монастырю чинш за прогон, как это оговаривалось, к примеру, при аренде монастырского двора в Денге Николаем Венигом в договоре от 6 января 1495 г. [6. С. 276]. В уже упоминавшемся договоре Виганда Бека от 22 февраля 1460 г. есть пункт о необходимости содержать племенных животных и птиц, а это традиционная, хотя и не безвозмездная, обязанность господских дворов по отношению к местным крестьянам-держателям. Кроме того, почти во всех договорах по крупной издольной аренде, где упоминается возможность для арендатора держать различный скот и

⁷ Наиболее ярко, убедительно и жестко эта позиция представлена в работах Р. Квиджа [23. С. 52-78] и З. Хойера [24. С. 1106-1120]. Но как одна из причин Крестьянской войны, крупная издольная аренда, особенно овцеводческая, в германской историографии признается почти всеми наиболее известными специалистами и, прежде всего, Петером Бликкле [20].

⁸ Хроники г. Айслебена сообщали за 5 мая 1525 г., что граф Альбрехт Мансфельдский и капитан Кведлинбурга Вейт фон Драгсдорф, собрав местное ополчение, «неожиданно нагрянули» в Остерхаузен. Ими «было перебито около 70 персон» восставших, участников штурма местного монастыря. После этого, «граф приказал подпалить и сжечь местность, осталось едва 20 домов» [14. С. 207].

птицу, а также овец, мы встречаем требование, по которому осенью, когда монастырь отделял из «смешанного стада» свою долю приплода, арендатор должен был в течение 4 недель продать свою долю и ни в коем случае не оставлять ее на зиму. В противном случае, его часть приплода пошла бы в «смешанное стадо» и, тем самым, арендатор понес бы весьма значительные убытки, а его молодежь оказался бы в собственности монастыря. Но, скорее всего, и владелец, и арендатор *обычно* убрали свои доли приплода из общего стада, как это практиковалось, например, монастырем Фрауэнзее. Та же картина наблюдалась и в другом конце нашего региона – в Анхальтских приэльбских княжествах. Например, по государственным описям 1548–1549 гг., только самые мощные овцеводческие хозяйства в Анхальт-Дессау, передаваемые в крупную аренду в Родебилле, Хайден, Мозика, Розенфельде, Этцдорфе и Бобау, насчитывали 9100 голов овец [3. Bd. 17. T. I. S. 28-30]. Крупными хозяйственными комплексами, судя по государственным описям за 1566–1576 гг., являлись княжеские форверки в соседнем Анхальт-Бернбурге, которые были сданы в крупную зерновую аренду и в этих хозяйствах содержалось большое количество скота, содержание которого оговаривалось теми же правилами, что и в арендных договорах монастыря Фрауэнзее и иных упомянутых и не упомянутых нами [4. Bd. 19. T. II. S. 3-9]. В частности, мы могли это наблюдать в условиях договора по аренде двора Рона на протяжении XV–XVI вв. [6. S. 241, 265-268, 306, 356-358]. Следует указать и на то обстоятельство, что монастырь стремился ограничивать, и чем дальше, тем больше, возможный рост «прибыли» арендатора именно в овцеводстве, а не в других отраслях сельскохозяйственного производства.

При этом монастырь стремился не допустить даже временного отхода своих арендаторов от рынка. Это хорошо видно в скрупулезном пересчете монастырской части зерна, скота и денежных поступлений, бесперебойно поступающих от его крупных арендаторов-издольщиков. Так, по поводу арендатора Генриха Якова в монастырской описи поступлений за 1499 г. пробстом Георгом фон Вейстерхаузенем была сделана запись: «Также Бог дал счастье и хофман передал пробсту с виноградников по тонне вина с четырех одинаковых участков» [6. S. 293]. Не меньшее удовлетворение монастырских властей чувствуется и при подсчетах зерновых поступлений и т. п.

В чем же здесь проблема? А в том, что в землях монастыря, как и по всей Тюрингии и Саксонии, в это время наметилась вполне очевидная ограниченность *некоторых видов угодий*, и именно в связи с довольно быстрым ростом животноводства, как господского, так и крестьянского, что вызвало конкуренцию между ними в борьбе за пастбища⁹. И те, и другие вынуждены были искать дополнительные пастбищные угодья на самых различных условиях, в том числе – за деньги, либо натуральные выплаты-поставки. В этом отношении характерна уже упоминавшаяся нами жалоба крестьян из Лауэнхайма, в которой они заявили, что овчар из Тюнхова, арендатор рыцаря Фридриха фон Туна, «принимает очень много чужих овец, так что они поедают наши пастбища, луга и посевы, а мы ежегодно даем корову на мясо [со всей общины. – В. Ч.] за то, что нам должны предоставлять пастбище, но нам запретили пастьбу в лесу, а корову все равно берут, ... просим вашу милость договориться с овчаром, чтобы он не принимал овец в ущерб нам, мы не хотим обременяться овчаром и коровой на мясо...» [1. S. 282]. Очевидно, что за «чужих овец» крестьяне принимали овец, принадлежавших самому овчару, что было прямым нарушением договора аренды, так как все свои поля, луга, живность, включая овец, как мы уже видели в других договорах, крупный арендатор-издольщик не имел права продолжать использовать, он обязан был «оставить» их до истечения срока договора. Эта незаконная с точки зрения условий договора часть отары, включая молодежь, разумеется, увеличивалась и могла доходить до нескольких десятков голов, если не больше. В свою очередь, это увеличивало нагрузку на кормовую базу [18] и приводило к *нарушениям прогонного права*, что являлось одной из основных причин крайней ожесточенности Крестьянской войны в Тюрингии и Саксонии в 1525 г. [14. С. 186-188, 207; 24]. Крестьянство по всей Тюрингии и Саксонии оказывало энергичное и ожесточенное сопротивление сокращению пастбищных угодий и в предшествующие этому грандиозному событию годы [15. С. 162-163; 23. S. 52-78; 24. S. 1106-1120]. Наиболее ярко этот процесс представлен статистическими данными по землям мансфельдского графства, расположенного в центре тюринго-саксонского региона [16. С. 172-174]. В целом, он получил убедительное подтверждение именно в крестьянских жалобах времен Крестьянской войны весной 1525 г.

⁹ В германской историографии эта ситуация наиболее полно представлена в фундаментальной работе Э. Шварце, посвященной Восточной Тюрингии [23].

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что любое хозяйство крупного арендатора-издольщика, а более всего овцеводческое, представляло собой крупное расширяющееся *производство*, ориентированное *на рынок*, требовало серьезнейших *вложений* деньгами, инвентарем и т. п. со стороны и *собственника*, и самого *арендатора*, опиралось, безусловно, и на квалифицированную наемную *рабочую силу*, постоянную и сезонную. Тем не менее, невозможно игнорировать то обстоятельство, что крупные арендаторы-издольщики широко и *по старинному обычаю* использовали труд обязанных *барщиной* крестьян-держателей окрестных деревень. Это обстоятельство, особенно накануне Крестьянской войны, ничуть не мешало им сплошь и рядом нарушать этот самый обычай. Такая аренда отличалась еще и долей урожая, да и любого другого дохода, передаваемых арендатором-издольщиком феодальным собственникам земли и заведений. Чаще это аренда исполу, но встречалась также аренда из трети и даже четверти, когда арендатору оставалась треть и даже четверть произведенного им. Тем не менее, это немалый доход на вложенный капитал, прежде всего, в виде денег, организаторского и хозяйственного опыта и знаний, определенного числа постоянных квалифицированных работников, части скота, специального оборудования и т. д. Доход, получаемый арендатором, использовался на улучшения в хозяйстве и в виде чистого накопления. Без такого рода рентабельности сама по себе крупная издольная аренда была бы просто невозможна. А она развивалась, в том числе, в землях Тюрингии и Саксонии и в годы экономического подъема, и в годы, последовавшие за событиями после Крестьянской войны 1525 г., судя по всему, вплоть до конца XVI в. и даже до Тридцатилетней войны. Как показывают документы, вложения в крупную издольную аренду свободных средств, принадлежавших богатым крестьянам и представителям бюргерства, являлись своего рода гарантией на вложенный ими капитал, накопленный, чаще всего, в иных видах деятельности. К сожалению, имеющиеся источники не раскрывают картины втянутости в этот процесс земского дворянства.

И все же главный вопрос нашего исследования состоит в том, была ли крупная издольная аренда в землях Тюрингии и Саксонии в период до и после Крестьянской войны *раннекапиталистической* или оставалась явлением *традиционным* для феодальной экономики? На наш взгляд, крупная издольная аренда Тюрингии и Саксонии, безусловно, и особенно с последней трети XV в. и до Крестьянской войны, *стала приобретать* в своем развитии *отдельные* раннекапиталистические черты, что вообще было характерно для этого экономически динамично развивавшегося региона феодальной Германии. Но последующие события 1525–1527 гг., приведшие к *укреплению* территориальной государственности¹⁰ в *стадии* традиционной, то есть феодальной сословно-представительной монархии, закрепляли именно феодальную сословную структуру¹¹, *связанную* с определенным *типом*¹² и уровнем экономической деятельности представителей этих сословий, с их экономическим *статусом* не менее чем на столетие вперед. В таких условиях говорить о сохранении раннекапиталистических черт в отношении крупной издольной аренды вряд ли корректно. Но документы по крупной издольной аренде относительно последующих десятилетий XVI в. определенно говорят о *сохранении* этой формы хозяйствования даже в этих новых условиях. *Формы*, но не содержания. Содержание ее и факт сохранения самой формы хозяйствования как таковой говорят не о сохранении ее раннекапиталистических черт, а о сохранении устоявшейся и постоянной связи крупной издольной аренды с рынком, и вполне определенно указывают на дальнейшее развитие товарности крупных арендаторских хозяйств. Это положение, следовательно, может оцениваться скорее положительно, и дает возможность говорить с достаточной долей уверенности об отсутствии стагнации или отката в экономическом, да и социальном развитии Тюрингии и Саксонии после окончания Крестьянской войны. Именно усиление государственной власти курфюрстов и герцогов Саксонских не позволило осуществиться махровой дворянской реакции в условиях разгрома крестьянского движения на подвластных им территориях и привело к наведению известного порядка через *усиление регламентации* деятельности хозяйствующих субъектов, в том числе – крупных арендаторов-издольщиков.

¹⁰ Подробнее см.: [19. С. 182-192; 9. С. 202, 205].

¹¹ О понимании автором терминов «сословие», «сословная монархия» см.: [14. С. 260-261, 261-262].

¹² Этот тип ведения хозяйства, безусловно, предполагал усиление регламентации в деятельности арендатора, увеличение сроков аренды и рост ее размеров. Возобладали *экстенсивные*, типично феодальные характеристики такой аренды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Akten zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges in Mitteldeutschland. Erste Abteilung / Hrsg. von O. Merx. Berlin, 1923.
2. Akten zur Geschichte des Bauernkrieges (Schriften der sächsischen Kommission für Geschichte). Bd. 2. / Hrsg. von W. P. Fuchs. Jena, 1942.
3. Die anhaltischen Land- und Amtsregister des 16. Jahrhunderts (Geschichtsquellen des Provinz Sachsen und des Freistaates Anhalt. Neue Reihe. Bd. 17.). T. I / Bearb. von R. Specht. Magdeburg, 1935
4. Die anhaltischen Land- und Amtsregister des 16. Jahrhunderts (Geschichtsquellen des Provinz Sachsen und des Freistaates Anhalt. Neue Reihe. Bd. 19). T. II / Bearb. von R. Specht. Magdeburg, 1938.
5. Urkundenbuch der Klöster der Grafschaft Mansfeld (Geschichtsquellen der Provinz Sachsen und angrenzenden Gebieten, 20). Bd. 20 / Hrsg. von M. Krühne. Halle, 1888.
6. Urkundenduch des Klosters Frauensee. 1202–1540 (Mitteldeutschen Forschungen, 20) / Hrsg. von W. Küther. Köln-Graz, 1961.
7. Urkundliche Nachrichten über die Städte, Dörfer und Güter des Kreises Weisensee (Beitrag zu einem Codex Thuringiae diplomatikus) / Hrsg. von J. D. Hagke. Weisensee, 1868.
8. Майер В. Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. Л., 1979.
9. История Европы / под ред. Л. Т. Мильской, В. И. Рутенбурга. М., 1993. Т. 3
10. История крестьянства в Европе / отв. ред. Ю. Ю. Кахк. М., 1986. Т. 3
11. Прокопьев А. Ю. Династии и дворянство в конфессиональной Германии: к проблеме идентичности элит // Средние века. 2008. Вып. 69(1). С. 68-77.
12. Таценко Т. Н. Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве Саксонском во второй половине XV – первой половине XVI вв. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л., 1990. С. 106-131.
13. Чиркин В. А. Очерки по аграрной истории Средней Германии. 1460–1525 гг. (Исследования, документы). Ижевск, 1992.
14. Чиркин В. А. История среднегерманских земель в документах XIV–XVI вв.: от Средневековья к раннему Новому времени. М., 2015.
15. Чиркин В. А. К характеристике малоизвестных документов хозяйственной истории крестьянства периода позднего феодализма на материалах Тюрингии и Саксонии // Проблемы аграрной истории Удмуртии: памяти профессора В. Е. Майера. Ижевск, 1988. С. 158-174.
16. Чиркин В. А. Эволюция имущественной и социальной структуры средненемецкого крестьянства XV – первой четверти XVII вв. // Вестн. Удм. ун-та. 1998. Спецвып.: Всеобщая история: к 80-летию профессора В. Е. Майера. С. 166-189.
17. Чиркин В. А. Поземельные отношения в Тюрингии и Саксонии XV–XVI вв. // Проблемы германской истории. Ижевск, 1989. С. 116-129, 178-181.
18. Чиркин В. А. Общинные угодья в структуре крестьянского землепользования Средней Германии XV – первой четверти XVII вв. // Вестн. Удм. ун-та. 1998. Спецвып.: Всеобщая история: к 80-летию профессора В. Е. Майера. С. 150-166.
19. Чиркин В. А. Государственные реформы в Саксонии последней трети XV века: к вопросу о переходе к публично-правовому характеру власти // Пробелы в российском законодательстве. Ижевск, 2015. С. 182-192.
20. Blickle P. Die Revolution von 1525. München-Wien, 1975.
21. Deutsche Geschichte in zwölf Bänden. Bd. 2-3 / Hrsg. von E. Engel, B. Töpfer, K. Fritze. Berlin, 1986.
22. Geschichte Sachsens / Hrsg. von K. Czok. Weimar, 1989.
23. Schwarze E. Soziale Struktur und Besitzverhältnisse der ländliche Bevölkerung Ostthüringens im 16. Jahrhundert. Weimar, 1975.
24. Quietzsch R. Der Kampf der Bauern um Triftgerechtigkeit in Thüringen und Sachsen um 1525 // Der arm man 1525. Berlin, 1975. S. 52-78.
25. Hoyer S. Wirtschaftliche und soziale Ursachen des deutschen Bauernkrieges. Das Beispiel Thüringen // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1981. H. 12. S. 1106-1120.

Поступила в редакцию 27.11.15

V.A. Chirkin

LARGE CROP-SHARE LEASE BY THE DOCUMENTS OF THURINGIA AND SAXONY OF XV–XVI CENTURIES: CHARACTERISTIC AND MAIN TENDENCIES OF DEVELOPMENT

The article concerns the problems of large crop-share lease by the documents of Thuringia and Saxony: its status, structure, and spreading. Inventory of monasteries and other feudal land-owners papers of early modern history are used as the basic information sources for the article. The author investigates the manifestations of early capitalism in agrarian sector produc-

tion in the form of crop-share lease. The article covers the period of economic upgrade and reforms of territorial state government in the last third of XV – first half of XVI centuries and their transformation in further decades.

Keywords: Thuringia, Saxony, crop-share lease, peasant economy, inventory of monasteries economy papers, early capitalism, regional absolutism, feudal property.

Чиркин Владимир Александрович
доктор исторических наук, профессор кафедры теории
и истории государства и права
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: chirkin.hist@yahoo.com

Chirkin V.A.,
Doctor of History, Professor at the Department
of Theory and history of state and law
Udmurt State University
Universitetskaja st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: chirkin.hist@yahoo.com